

Мысли в слух № 6

Литературно-
художественный
журнал

Окно на реку. Свищет птица «икс».
Есть некто калам, затем - за Феникс.
Ужель скужилась идея-фика?
Возышшное, то, что в нас, - апеноникс?
Свершающееся вокруг - ремикс
Того, что выдул не Влас, а Феникс?
Меж сонных рощ отрудится дивный Стикс...
Кругами вьюсь расцвечивает Феникс!

Юрий Булаев

Герб литературного клуба
«Феникс»
работы
Алексея Полуяхтова

Дорогие наши читатели!

В шестой раз мы выходим к вам с нашими стихами, рассказами, юморесками и размышлениями. Этот номер, к сожалению, родился позже, чем мы предполагали, мы не успели поздравить ветеранов с Юбилеем Великой Победы – и поэтому делаем это лишь теперь, полагая, что такой большой праздник не должен проходить одним днем. 65 лет назад закончилась одна из самых страшных войн в истории человечества. Что было бы с нашей планетой, если бы мы не победили, – жутко даже и представить. Ветеранов, чья память ещё хранит картины той войны, среди нас всё меньше и меньше. Так хочется, чтобы они ещё побыли с нами, рассказали ещё раз свои невыдуманные истории, поделились жизненным опытом... Но чтобы их военный опыт никогда нам больше не пригодился!

В этом номере есть стихи на военную тему, есть рассказы, так или иначе связанные с Победой. Их написали дети и внуки тех фронтовиков.

Но все-таки большая часть наших текстов – о мирной жизни. Стихи о природе и о любви, детские сказки, озорной юмор. Разумеется, мы не смогли представить здесь наше творчество и творчество наших друзей в полном объёме. Приглашаем вас на наши сайты – «Феникс» (www.litclub-phoenix.ru) и «Помело» (www.po-me-lo.ru).

И, конечно, не пропустите наш следующий – седьмой номер!

Редакция журнала

*СОДЕРЖАНИЕ***Стихи**

Надежда Сухих	3
Зоя Савина	6
Юрий Будаев	9
Сергей Лариков	12
Максим Абдуллин	16
Татьяна Барышникова	19

Проза

Владимир Ермошкин. Зabor	22
Игорь Краснов. Верой жив человек	28

Колобок (страницы для детей)**Анна Саксе**

Сказки о цветах (в переводе Сергея Окулова)	34
--	----

Помело (Сатира, юмор)**Юрий Ковязин**

Побасенки	42
-----------------	----

Александр Матусов

Всё, что вы знали о сексе, но стеснялись зарифмовать	44
Сатира из сортира	45
Однажды в СССР	46
О критике	47

Дмитрий Кочетков

Шест	48
С водкой по жизни	49

Наши конкурсы

Четверостишия о Каменске	52
Любви моей, весны моей очарованье	53

Былое

Галина Кораблёва. Стихи о ДК УАЗа	54
Людмила Баранова. Из частной переписки с Н.Н.Крайновой	57

Новости от «Феникса»	58
----------------------------	----

Стихи

Надежда Сухих

НЕТ ПРАЗДНИКА ВАЖНЕЙ

Что такое День Победы?
Это прожитые беды,
Вечно ноющие раны
И могильные бурьяны,

Реки пролитые – крови,
Горьких слёз детей и вдовьих,
Матерей, мужей, отцов,
Умирающих бойцов...

Это труд детишек малых,
Женщин, стариков усталых.
Все, превозмогая беды,
Приближали день победы.

Нет праздника для нас важней!
Смог дошагать до наших дней
Тех победителей парад,
Но стал короче каждый ряд.

Умерших не вернуть никак.
Живым – желаем всяких благ!
Им, поздравляя с этим Днём,
Мы честь салютом отдаём!

ДЕДОВА ПИЛОТКА

Выцветшую старую пилотку
Не хотел сын с головы снимать.
Так ему понравилась находка,
Что он в ней решил улечься спать.

Мать ему машинку обещала,
Бабушка – банан, а он от них
С головой нырнул под одеяло
И под ним в притворном сне затих.

Дедушка сказал им: «Перестаньте,
У мальца пилотку отнимать,
Лучше на его рубаху гляньте –
Хватит её штопать и стирать».

Дед достал ремень, начистил бляху
И командным голосом сказал:
«Надо перешить мою рубаху,
Вдруг из внука выйдет генерал!»

ПОМОГИТЕ ЗВЁЗДЫ МНЕ ЗАЖЕЧЬ

Помогите звёзды в небе мне зажечь,
А иначе кто-то не назначит встреч,
Не сойдутся чьи-то в темноте пути
И не сможет кто-то счастье обрести.

Птицы замолчали, всюду тишина.
Лишь влюблённых пары бродят дотемна.
Боятся их сердечки, распирая грудь,
И готовы в небо птицей упорхнуть.

Лягут чьи-то слёзы утренней росой.
Кто-то разминулся со своей мечтой.
Помогите звёзды в небе мне зажечь,
Чтобы стала больше вероятность встреч.

ОЖИДАНИЕ СВАДЬБЫ

Обнимаю я березку
И о миленьком горюю.
До чего же жить не просто.
Я к другим его ревную.
В город милый мой уехал,
Письма пишет редко очень.
Я ни в чём не виновата,
Но волнуюсь дни и ночи.

Он из города обратно,
Знаю точно, не вернётся.
Я к нему приехать рада.
В письмах он в любви клянётся,
Уверяет, что нам рано
Думать о семейной жизни.
«Зря ты ждёшь», – твердит мне мама, –
«Он другую там отыщет».

Нет у нас в селе ни клуба,
Ни для милого работы.
Хоть ему я очень люба,
У него свои заботы.
Верю, он за мной вернётся.
Но когда вот только? Знать бы.
Меж полями речка вьётся.
Жду я терпеливо свадьбы.

Новое у автора

«Мурляндия и другие» – так называется книга стихов для детей, недавно вышедшая из-под пера Надежды Сухих. Книга вышла ограниченным тиражом и, по-своему, уникальна: ее проиллюстрировали не профессиональные художники, а ребята из Синарского детского дома, занимающиеся в кружке рисования и лепки, под руководством Ольги Владимировны Дорониной.

Обращение автора к творчеству детей-сирот не случайно: Надежда Васильевна сама воспитанница одного из детских домов, что находится в Ленинградской области. А с работами воспитанников Ольги Владимировны Надежда Сухих познакомилась в город-

ском выставочном зале – и сразу загорелась идеей выпустить с совместно с ними книжку.

Помимо детских рисунков, в книге множество фотографий: кошки, собаки, городские пейзажи и, конечно, портреты детей – соавторов Надежды Васильевны. А текст книжки, как явствует из выходных данных, проверен лично котом Тихоном – любимцем поэтессы.

Зоя Савина

РАЗГОВОР

Тяжёлый у нас мама разговор.
Не выноси так быстро приговор.
Сумей понять, простить и мне помочь,
Ведь я ж тебе не падчерица – дочь.
Я счастлива, я будто бы во сне,
Когда моя рука в его руке.
Пусть все твердят, что он не для меня.
Об этом знаем только он и я.
Пойми меня, я этим ведь горжусь,
Что с любимым рядом нахожусь
И где б он ни бродил, кого бы ни любил –
Мне на всё терпенья хватит, сил.

* * *

Подрастает очень быстро молодёжь!
И ты первую красавицу ведёшь.
С ней тусуешься на званых вечерах,
Изгоняя из души ревнивый страх.

Ты солиден и брюшком давно оброс.
На тебя как на мужчину упал спрос.
И летят они на толстый кошелёк,
Но тебе всё это как-то невдомёк.

Дома ждёт тебя законная жена,
Не обласкана, печальна и одна.
Для тебя она надёжный, верный тыл.
Ты об этом в суете совсем забыл.

Ей когда-то звёзды с неба обещал,
Ты тогда пешком ходил и мало врал.
И она тебе подняться помогла,
Хоть ночами и не досыта спала.

Ждёт тебя не утешительный урок:
Не пристрелят – значит будешь одинок.
Если жизнь не переменишь в краткий миг,
Не успеешь оглянуться – ты старик.

ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

Ай, на-не-на-не-на-не-на-не,
Ты в любви признался при луне.
Ай, на-не-на-не-на-не-на-не,
Хор небесный вторил в тишине.

Бурной речкой страсть твоя была,
В водоворот с собою унесла,
Связала нас с тобою по рукам,
Ударила волной по головам.

Ай, на-не-на-не-на-не-на-не,
Ты вернулся вновь к своей жене.
Ай, на-не-на-не-на-не-на-не,
Боль свою топлю в красном вине.

Речи красивые мне говорил,
Любовью и сладким вином поил.
Зря поверила твоим речам,
Теперь осталось плакать по ночам.

Ай, на-не-на-не-на-не-на-не,
Боль свою топлю в красном вине.
Ай, на-не-на-не-на-не-на-не,
Больно было мне.

Я без оглядки за тобою шла,
Со старой жизнью своею порвала.
Ушли стабильность, радость и покой
С тех пор, как рядом ты со мной.

Ай, на-не-на-не-на-не-на-не,
Идёт другой уже на встречу мне.
Ай, на-не-на-не-на-не-на-не,
Моя любовь опять в цене.

* * *

Люблю, когда в печи трещат дрова
 И мне бежать не надо никуда.
 Люблю читать, лёжа в постели,
 Когда за окнами метут метели.

Люблю я жизнь и ею наслаждаюсь,
 Каждым мигом, когда просыпаюсь.
 На солнышко в окно гляжу,
 Здравствуй, новый день, шепчу.

Благодарю Создателя за день и ночь,
 А все печали отпускаю прочь.
 В каждом миге жизни радость нахожу
 И каждым её мигом дорожу.

Театр одного автора

В Каменск-Уральском камерном театре «Артель» Зоя Савина – комок нервов и страсти. Когда смотришь на сцену, где развивается действие по пьесе А.Н.Островского «Свои люди – сочтёмся!», то кажется, что энергия, которая кипит в актрисе Савиной, вот-вот выплеснется наружу и загорятся ярким пламенем самые подмостки. Её гнев – настоящий, её слёзы – настоящие, и любовь – тоже самая настоящая!

Её литературное творчество несовершенно с точки зрения общепринятых канонов, но оно тоже настоящее, ибо в каждом её несовершенном слове настоящие радость и боль, настоящее горе и счастье. Это – свой собственный Театр Зои Савиной на бумаге. Не спешите сдавать билеты и закрывать занавес!

Юрий Будаев

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Летний день на дворе,
дождь вприпрыжку по траве,
Бьёт чечётку на скамье, кстати.
И визжит детвора: со двора бежать пора.
Ливень дюж: на сотни луж хватит.

Сцены нет – наугад перепляс на всём подряд:
Струйно-капельный наряд – весел.
Вновь в три цвета наш стяг:
стирка – это не пустяк.
Вот и нам бы всем раз так – с кресел.

Дождик тёплый грибной, следом радуга дугой,
На тропинках никакой грязи
Дети в пляску – он спел,
девки с пляски – он успел,
А затем, как захотел – в князи.

Дождь на бис дать готов
душ небесный для волов.
И прелестно, и от слов – к делу.
Раз назвался – валай, не рядись и не виляй,
Отчитался и... гуляй смело.

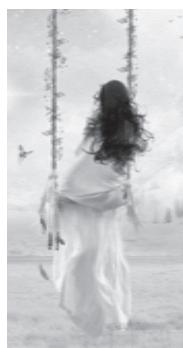
Он ушёл за луга, где горбушками – стога.
Светит радуга-дуга – в реку.
Вол вальяжно мычал и, начало всех начал,
Кто-то взял и прокричал: «Ку-ка-ре-ку!»

Мы сидим, как всегда: ни туда и ни сюда,
Каждый смел и в меру сил весел.
Мы – послушный народ,
но никто нас не сошлёт
В летний струйный хоровод – с кресел.

Мы сидим, как всегда: ни туда и ни сюда,
Каждый смел и в меру сил весел.
Мы — надёжный народ, и никто нас не поймёт
Если мы — в водоворот — с кресел.

ГРУСТНЫЙ ДОЖДЬ

Кем-то ведь придуман этот дождь.
За окном решёткой шаткой ветки.
Мокрый луг, остов пустой беседки.
Здравствуй, дождь — ничьих слезинок вождь!

Ты совсем не витязь выюжных стуж,
К нам пришёл уже в начале мая.
Жизнь моя, в туманной дымке тая,
Держит путь, войдя в созвездье луж.
В пику тем, кто, стразами блистая,
Буйной стаей дружно — в Мулен Руж!

Кто-то ведь придумал эту боль.
Некто неуёмный надоумил.
В трубке телефонной грустный зуммер.
На сыром асфальте — мелом ноль.

Как, не ставши пнём, дружище дождь,
Обрести покой в живом движенье,
Вымолив небес благоволенье,
С ног смывая пыль, с плеч сбросив ложь?

За стеклом пусть всё одно и то ж:
Звонких струй простое представенье,
Чую близко чудное мгновенье.
Если упустил — уж не вернёшь.

Я ж, поскольку ты всё льёшь и льёшь,
С просьбой пособить, сообщник дождь.

Верно ль, подтверди: дошло — поёшь,
Следует идти — и ты идёшь!..

МНОГОЛУНИЕ

Мы вновь одни на берегу полночных лун.
 Желток песка и водорослей вата
 Хранят тепло минувшего заката.
 И ясная, как лик луны, утрата
 Пронзает сердце тем, кто сердцем юн.
 Мы вновь одни на берегу полночных лун.

Мы ищем след истаявшего дня.
 Два космоса, но одного побега почки,
 Исследуя подлунный мир до точки,
 Мы – ненаписанные строчки
 На перекошенном экране бытия
 Мы ищем след истаявшего дня.

В извиах волн – осколки павших лун,
 Как множество клинков из жёлтого металла.
 Им, как и нам, не нужно пьедестала,
 Как, впрочем, и ни рифм, ни стрел, ни струн.
 В извиах волн – осколки павших лун.

Найдём ли след истаявшего дня,
 Пройдя вселенную неспешными шагами,
 Усеяв бренный путь молитвами, стихами
 И стоптанными башмаками.
 Найдём ли след истаявшего дня!

Мы вновь одни на берегу полночных лун.
 Прибой, продолжив дело Герострата,
 Смыл все следы, и нет следам возврата.
 И яркой, узкой стрелкой циферблата
 Пронзает небо птица Гамаюн.
 Мы вновь на берегу полночных лун.

Вокализы автора

Будаев Юрий свои стихи читает редко. Чаще поёт. Под гитару, естественно. И хотя делает он это отнюдь не заучивно, а вполне зажигательно и даже, порой, рок-н-рольно, песни всё равно получаются некороткие. Будаев любить погулять, побродить по рифмам, поиграть с ними. Чувствуется, что ему там, в строчках, легко и вольготно, там у него – воздух, там у него – жизнь.

Отдельная благодарность и низкий поклон автору за то, что он зарифмовал в своём стихе нашу чудесную птицу! (См. 2-ю стр. обложки.)

Сергей Лариков**ЛЕТО, ДАЧА, КЛУБНИКА...**

Я помню то утро,
Тот день и вечер,
Когда я не мудро
Нашел тот позор.

Клубника на даче -
Страсть хороша.
Вкусить – вот задача,
Ведь просит душа.

Зачем ты «купила»
Клубникой меня ?
Помочь попросила,
Конечно же, зря.

Клубникой на даче
(Для тещи – цветы),
Огурцами в придачу
Угостила ведь ты.

С клубникой люблю я
Отбор-молоко.
Я в тему «здоровья»
Вник глубоко.

Огурцами из жадности
Я «milk» закусил.
Потом неприятности
Охладили мой пыл.

Бежал до сортира
По цветам напролом.
Удобства, квартира
Мне снились потом.

И так просидел я
В клозете весь день.
Я был весь при деле.
– При чем моя лень ?

И пусть я на даче
Ничем не помог.
Большая удача –
Простил меня бог.

Клубнику не ем я,
Огурцы, молоко.
Я в тему «здоровья»
Проник глубоко.

ЛЕТО ПРОШЛО

Ленивое лето минуло.
Едва мы привыкли к жаре
Тепло в небеса утянуло
Ох, нам бы его в январе!

Промчалось, но мы все ж успели
Радость от встреч получить.
О них птицы песню пропели
Широкой душе не забыть.
Любимое лето прошло.
О, счастье! Зачем ты ушло?

ДРУЗЬЯ

С годами все дальше от детства,
Дворовых и школьных друзей.
Найти бы такое мне средство,
Увидеть их вновь побыстрей.

Вас, Женяка, Валерка, Алешка,
Порой так не будет хватать.
О себе расскажите немножко,
По жизни нам хватит бежать.

Собрался и сел я в смятении
На поезд, что шел на восток.
Для встречи я с детством в волнении
Приехал в родной городок.

Известия рвали мне душу,
Сознанья пожар не утих.
Не думал, что попросту струшу
Идти на погости троих.

Судьбой стало смутное время
Для многих российских людей.
Для родины – тяжкое бремя
Решения наших вождей.

Погибли все трое от пули
Лежат все под тенью ракит.
В Чечне двоих не согнули,
А третий бандитом убит.

Пусть дальше и дальше от детства
В забвенья уводят года.
Для встреч все используйте средства,
Не теряйте друзей никогда!

ТВОРЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

На пляж набегает игриво волна,
В лучах изумрудно сверкая.
Богиня зовет отразить все в стихах.
Вокруг благодать-то какая!

Но вдруг сознаю, не найду я слова,
Представить картины творенье.
Не будет стихов, ведь меня завлекло
Чудесной природы виденье.

Евтерпа, прости, что я вновь побежден.
С утра не прибавил ни строчки.
Бросаю, бегу, разрезаю волну
Под радостный визг своей дочки.

Хочу я смотреть на природы игру,
Не мучиться, слог сей рождая.
Я понял, легко сочиняю стихи
Лишь в смоге, о лучшем мечтая.

Я дома корпел над мыслью и словом,
Как золото моет старатель.
А что у меня получилось к утру –
Об этом пусть судит читатель.

Наладки автора

Сергей Лариков живёт в Московской области. В Каменске-Уральском он бывает в командировках. Злые языки утверждают, что никакой он на самом деле не поэт, а самый обычный инженер-металлург. И приезжает на Синарский трубный завод и что-то там налаживает, налаживает... Мол, если б Лариков время от времени не налаживал, то завод давно бы остановился.

Не знаем, так ли это, ничего не можем сказать. Беспокоит другое: вдруг в один прекрасный момент Ларикова перестанут посыпать в командировки — и Каменская поэзия напрочь заглохнет?!

Во всяком случае, никому из местных не удалось так возвыщенно написать про сортир, как это сделал Сергей (см. стр.12).

Максим Абдуллин

А НОЧЬ ТЕМНА

А ночь темна, и дождь почти не слышен.
С ветвей спадает желтая листва.
Я никогда не думал, что услышу
Твои до боли горькие слова.

И тусклый свет, лампадой озаренный,
Манит, как мотылька на яркую свечу.
Стою один, молюсь перед иконой,
Слова молитвы не спеша, шепчу

Вот я опять лежу на смертном ложе,
Мне никогда не справиться с судьбой.
И на том свете встану я, быть может,
На голые колени пред тобой.

А дождь утихнет музыкой последней
И, в перемешку с ветром, унесет
Слова любви, которой нет на свете,
А может все, а может все наоборот.

В руках синица, в небесах журавль,
А я опять стою у той черты,
Где сон и явь перемешались, словно травы,
И перетянуты висячие мосты.

* * *

Не понимая смысла фраз,
Слетают строчки на бумагу.
И в этой жизни, в первый раз,
Я чувствую под сердцем шпагу.

Еще один удар, как гром.
Он режет плоть мне, словно бритва.
Ах, как хотел бы я пером
Поставить точку в этой битве.

* * *

Непокорённая вершина –
Непокорённость бытия.
Измерь её хотя б аршином,
Всё пусто будет без тебя.

Непокорённость лунной ночи
И непокорный лунный свет.
Поставь хотя бы многоточье...
Всё пусто. Жизни больше нет.

* * *

Уносит прибой мои слёзы.
Уж осень. Пуховые шарфы.
Я жил, переполненный грёзами,
Услышав игру твоей арфы.

Я, как зачарованный, слушал,
Как море, была ты красива,
И ждал, что представится случай
Упасть в это море с обрыва.

* * *

Не трачу попусту слова
 И не иду к причастью с верой.
 Лети, седая голова,
 Ты с плеч моих снежинкой белой.

Что приобрел я в этой жизни,
 Измерив путь её большой?
 Что делать мне, когда отчизна
 Тебе становится чужой?

В чём суть побед?
 В чём суть прыжка
 Над планкой жизни непокорной?
 Настанет день, и пепел чёрный
 Покроет землю с высока.

Издания автора

Сборник стихов Максима Абдуллина «Между небом и землёй» вышел в 2006 году в екатеринбургском издательстве «мАрАфон». Отрывки из этой книги мы опубликовали в прошлом номере нашего журнала. По мнению составителя и рецензента книги Юрия Казарина, «стихи М. Абдуллина медитативны и безыскусны, потому что они являются для автора главным, доминирующим тотальным и, скорее всего, оптимальным способом не только переживания, мышления, говорения, но и существования. М. Абдуллин выбрал самый сложный способ объяснения с собой, с миром, с небом и с тем наднебным (или – внутринебным), что постоянно присутствует в душе и что сопровождает нас, живых мертвых, в наших странствиях в себе, вокруг нас и, надеюсь, в до- и в посленас...»

Татьяна Барышникова

МГНОВЕНИЕ

Пролетает лето,
Как на крыльях ветра,
А шального ветра
Нам не удержать.
Рассказать про лето
Радужного цвета,
Как стихи поэта
Прозой передать.
Даже если где-то
Дождик без просвета,
Всё равно всё это
Лучше увидать,
Чем сто раз услышать,
Чем прочесть, что пишут...
Пролетит неслышно –
Снова будем ждать.

НОЧЬ

Ночь над землёю
Раскинула полог,
Мир обуяла
Покоем и сном.
Бродит медведица
Млечной дорогой,
Черпая звёзды
Медвежьим ковшом.
Леса соснового
Воздух смолистый
Пряной волной
Накрывает село.
Шепчут берёзки
Листвой шелковистой:
Солнца дождёмся –
И станет светло.

* * *

Незримы связи
 С дальными мирами,
 Мы, глядя в небо,
 Слышим ритм планет.
 Господь Всевышний
 Всюду рядом с нами,
 Земля – Им сотворённый
 Плотный Свет.
 Всё кажется
 Простым, обыкновенным:
 Обилье трав
 И жемчуг ранних рос...
 А где-то в дальнем
 Уголке вселенной
 Нас понимают:
 Это сенокос.

ПРАЗДНИК БОГОРОДИЦЫ

Звонарь на колокольне
 Праздничные звонь
 Отзванивает, мысленно молясь.
 Я выхожу из храма
 С сердцем обновлённым
 И с Богом чувствую
 Своё родство и связь.
 А звон колоколов
 В душе рождает искры,
 Сливаясь с ними
 Где-то в вышине.
 И Божья благодать
 Лучом пречистым
 Из храма в мир
 Путь освещает мне.

РЫЖИЙ МИР

Рыжая кошка
На рыжей опавшей листве
Греет рыжий свой бок
Под лучами осеннего рыжего солнца.
Рыжая бабочка
На пожухлой траве,
Так похожая на листок,
Балансируя рыжими крылышками,
По травинке крадётся...

Стылой ночью январской,
Когда за окном белый снег,
Мне приснится всё это,
И станет на сердце теплее.
Ярко-рыжая память
Об осени прошлой моей,
Будто рыжее пламя костра,
Меня в зимнюю полночь согреет.

Исцеления автора

Татьяна Барышникова стихов не пишет, книг не пишет, и всё, что из-под её пера выходит – это послания. Послания откуда-то свыше (во всяком случае, так утверждает она сама). Вот кабы всем-то так нисходило – мы бы и горя не знали! Правда-правда, одни гении были бы кругом, изрекающие неопровергимые, вечные истины.

Один из последних сборников Татьяны именно так называется.

И мы, конечно, верим (говорим это без намёка на иронию) в целительную силу барышниковских строк – грустных, смешных, едких....И не только стихов – читатели нашего журнала уже успели познакомиться с её притчами и юмористическими эпиграммами.

Проза

Владимир Ермошкин

ЗАБОР

*Не многие вернулись с поля боя.
И день Победы встретили не все...*

— Егор, ты бы подправил забор-то! На чём только душа в нём держится. Не дай Бог, придавит кого-нибудь! — просила своего мужика хозяйка по имени Маруся, зачерпывая ведро воды из пруда.

— Погоди, Маруся! Ужо председатель обещал горбия выписать, так я тебе новый поставлю. Сколь можно старый-то латать! Его ёщё дед мой ставил. Неужели мы с тобой на новый забор не заработали? — степенно ответил Егор, принимая из рук жены вёдра с водой.

— Ты бы побереглась, моя «клушечка»! Вёдра-то «колхозные». Почитай — по пуду каждое. Смотри, побереги нашу кровиночку, — с затаённой гордостью журил он свою молодую супругу.

— Огурцы польём, а там уж сам будешь управляться. Я пойду баньку посмотрю. Подошла, поди. Ты потом фонарь не забудь взять. Дни-то хоть и длинные, но мне ёщё простирнуть рубашки надо, да ёщё всякий шурум-бурум накопился, — отрапортовала Маруся и, подперев правой рукой исчезающую талию, поспешила через весь огород к приземистой баньке, стоявшей на самом краю усадьбы.

«А ведь права хозяюшка-то! Вот чего порой мужику не хватает! Всё подметит, всё углядит, — Егор сдвинул фуражку на глаза, и от этих размышлений чуть не прослезился. — Ну, да ладно! Негоже мужику нюни распускать», — взял он себя в руки.

Вечер был необычайно тёплым. Закат огненно-красным заревом, словно клюквенный кисель, разлился по всему небосклону.

— Не к добру чё-то он так занялся, — покачал головой Егор и прошёлся взглядом по огороду, определяя, с чего в первую очередь начать работы.

— Маруся на воскресник завтре пойдёт, а я за горбылём съезжу, — сам с собой разговаривал Егор, покачивая полусгнивший забор. Он представил, как обрадуется его жена при виде новой изгороди, и его руки сами собой зачесались от нетерпения. Скорей бы уж «завтра» наступило, — подгонял Егор вечер, скидывая с себя бельё в предбаннике. Оставшись, в чём мать родила, он аж задрожал в предвкушении того, как обнимет нежное, разгорячённое тело молодой жены, как проведёт рукой по её упругим грудям... И рванул на себя разбухшую в баню дверь.

— Фу ты, чёрт! Напугал! — вздрогнула от неожиданности Маруся. — Чё-то ты быстрёхонько примчался. Кабачки-то хоть...

— Да ладно, Марусь! Никуда твои кабачки не денутся! Я твой кабачок сегодня! — горячо дыша в распущеные по плечам волосы жёнушки и прижимаясь к молочному телу, застонал Егор.

— Нет! Нет! Нет! Ты чё, сдурул, дорогой! Седьмой месяц уже, Егорушка! Фельдшер сказал, чтоб с этого дня ни-ни! — стыдливо, но твёрдо высказалась Маруся.

— Много твой фельдшер понимает! — недовольно буркнул Егор и ослабил объятья. Перед глазами вдруг всплыл тесовый забор, а его суженая очутилась по ту сторону.

— Надо же такому померещиться? — вылив на себя ковш холодной воды, начал приходить в себя Егор, но руки шаловливо продолжали искалечивать набухающие соски жены.

— Ладно баловаться! Полезай на полок! — вывернулась Маруся и поддала пару.

После трудового дня и жаркой бани Егор и Маруся свалились, как подкошенные, на свеже-застланнуюкованую кровать, доставшуюся им от деда. Егор, со свойственной мужику не-уёмностью, попытался найти «контакт» с женой, но, получив отказ, лишь довольствовался нежным объятием со стороны супруги.

А наутро по селу прокатилась страшная весть. Война! Запричитали

и забегали от двора ко двору бабы. Обычно не любившие слёзы мужики на этот раз не одёргивали своих жён. Они понимали, что предстоит разлука со своими любимыми и, сдерживая свои чувства, предпочитали молчать. Лишь бегающие по скулам желваки выдавали их обеспокоенность и тревогу.

Люди стали собираться у церкви. С раскрытого борта полуторки, стоящей на лобном месте, уже неслись призывные речи руководителей района. Народ же гудел как растревоженный улей и не очень-то вникал в увещевательные и броские призывы.

Слова «война» затмило всё и вся вокруг. Вокруг стола, покрытого красным материалом, вовсю шла запись добровольцев. Надрывно и бойко играла гармошка, пуская в пляс принявших самогонки мужиков.

— Егорушка! Может, ты повременишь с войной-то! — повиснув у Егора на шее, запричитала Маруся. — На кого ты оставляешь нашу кровиночку-то! Для кого я теперь постель-то стелить буду! — не унималась она.

— Ладно, Марусь! Не к лицу мужику за бабы спины прятаться! И, оторвав от себя жену, приблизился к столу.

— Записывай, командир, в первую очередь! Мать твою за ногу... Покажем этому фрицу, чем русский кулак пахнет! — и, проморгав накатывающую слезу, повернулся к Марусе.

— Дитя береги! И прости, если что... — это всё, что он мог сказать.

Всю войну Егор корил себя и ругал последними словами за то, что мужская заскорузлость не позволила ему как следует обнять и поцеловать на прощание жену. Наскоро сформированный обоз из нескольких подвод тронулся в райцентр, держа путь к железнодорожной товарной станции. Причтания и женские вопли расставания волной из слёз неслись вслед уходившим на войну мужьям и сыновьям. Ещё долго были видны сквозь пелену дорожной пыли ответные взмахи их фуражек.

Определили Егора в сапёрную часть, где он с такими же деревенскими мужиками строил защитные укрепления, наводил переправы и мосты, а также выполнял охранение этих объектов — в форме дозора. Со своей обшарпанной «трёхлинейкой» Егор никогда не расставался и ухаживал за ней, как за любимой подругой, но она всегда была — строга и холодна.

Боевал он с одной мыслью — увидеть живой Марусю с сыном на руках. И в короткие передышки, между артобстрелами и атаками, молил судьбу, чтобы она предоставила ему такую возможность. Но сколько судьба ни защищала его от пуль, сквозь этот ветхий забор

защиты просвистели осколки вражеской мины, зацепив Егора. Раненый боец продолжал наводить переправу и держался столько, насколько хватило сил... Медаль «За отвагу» нашла его в госпитале.

Едва затянулись раны, Егор поспешил догонять свою часть, шедшую в западном направлении.

Когда на марше он проходил разрушенные деревни и сёла, его взгляд цеплялся за унылые покосившиеся заборы. Это так скребло по сердцу, что он не находил себе места. Сразу приходили на ум и кабачки, и закат, и жаркая банька с молодой женой. Не находя слов по этому поводу, Егор раз за разом повторял одну и ту же поговорку: «Провались земля честная, мы на кочке проживём!» – и досадливо делал отмашку рукой. Война тем временем катилась под откос, а в воздухе пахло весной.

И каждый раз, когда под покровом темноты Егор со своим отделением устанавливал противопехотные заграждения на нейтральной полосе, вспоминая свой не поставленный забор, он с чувством невыполненного долга яростно вгрызался в усталую от войны землю.

Однажды утром, как только забрезжил рассвет, из окопа противника высунулся молоденький немец и, глядя на построенные укрепления, удивлённо воскликнул:

– О-о?! Рус Иван, забор!

Увидев сквозь прицел «неоперившееся чудо» Егор опешил (уж больно смешно и нелепо выглядел враг) и повременил с нажатием на спусковой крючок. Когда же из уст безусого немецкого солдатика прозвучало слово «забор» – вовсе опустил винтовку.

Позиционное противостояние на этом участке продолжалось довольно долго, и порой из окопов с немецкой стороны слышалась игра на губной гармошке. Немцы любили этот инструмент и частенько подогревали свой бойцовский дух с его помощью. «Эх, двухрядку бы сейчас, да Ваську Косого (деревенского гармониста), он бы перебором своим фрица тотчас за пояс заткнул!» – с вызывающим чувством гордости за земляка и русскую гармонь озвучивал свои мысли Егор.

Постепенно наши войска переходили в наступление по всему

фронту. Артиллерия накрывала плотным огнём укрепрайоны противника. И немцы, уже не в состоянии хоронить погибших, оставляли их на поле боя в узких лабиринтах окопов. Хотя за мародерство грозил трибунал, Егор не удержался от соблазна и сунул за голенище сапога оброненную немецкую губную гармошку. Но это был всего лишь эпизод на память Егора. В остальном же деле – было не до гармошек. «Плясали» бойцы по другому поводу. Враг, как раненый зверь, бился до последнего дыхания и не думал сдаваться. Сколько ненужной крови было пролито тогда, вспомнить страшно. Нахлебывались её солдаты с обеих сторон – до полной сытушки.

Наконец в мае месяце сорок пятого года горько-сладкое слово «Победа!» разорвало воздух, взметнув вверх пропахшие порохом солдатские шапки! И хотя не в этот майский день, а гораздо позже война для Егора закончилась.

Пришёл он в родное село, хромая на раненную ногу, без двух пальцев на левой руке. Судьба всё-таки смилиостивилась над ним – встречала его Маруся с сынишкой Витькой на руках.

Послевоенная жизнь налаживалась трудно. Первое время Егор не мог смотреть в глаза своим сельчанам. «Уж лучше бы я остался на всегда на этой переправе», – не раз думал он при встрече с женщинами, получившими похоронку на своих близких. Его сразу начинало подташнивать, а перед глазами всплывала пелена из дорожной пыли, за которой виднелись силуэты сельчан, не пришедших с войны. Несмотря на все трудности и боль, в его семье ждали прибавление...

Работал Егор, не покладая рук, на самых тяжёлых работах. Маруся, жалея мужа, не раз ему говорила:

– Егорушка! Ты бы пожалел себя. Не дай бог, надорвёшься. Куда я одна с детьми-то...

– Ничего, Маруся! Я выдержу. Меня даже пуля взять не могла, – подбадривал жену Егор и ещё усерднее впрягался в работу. Но если он начинал городить забор, то в его голову втемяшивалась одна и та же мысль: «Почему люди оказываются по разные стороны забора?» – и, не находя чёткого ответа, что-то бормотал себе по нос, досадливо отмахиваясь от навязанной мысли.

Про войну Егор рассказывать не любил. Тот случай на передовой, где он не смог нажать на спусковой крючок, так с ним и жил многие годы, не смея появляться на свет. «Объявят ещё врагом народа, и медали с орденами не помогут», – тяжко отдавало по нутру солдата. – Вручат в руки пилю и заставят лес валить в местах, куда Манкар телят не гонял, а то и к стенке поставят, – наводили его на

мысль послевоенные газетные публикации – «об изменниках родины». Даже Маруся своей на вопрос: «Чё это ты всё трешься около забора как конь во время линьки? – ответил, по привычке прижав палец к губам.

– Немца я вот, Маруся, отпустил тогда – в лихолетье. И всё это из-за забора, который я ... «нагородил», – будь он неладен. Теперече как гляну по ту сторону городьбы, так и вижу того пацана, ростом – метр с шапкой. Сколько уж времени прошло, а думки не покидают меня. Жив ли тот воробей желторотый, с длинной шеей, которая выглядывала из ворота шинели? Уж больно смешно висела одёжа на его худящих плечах. Может, оно и к лучшему. Не взял на себя грех мальца на тот свет отправить. Ты только не болтай, где ни попадя про это. Не приведи, Господь в чёрном воронке на старости лет прокатиться до управы, а то и дальше куда.

– Больно надо! Ты пьяный и не про то на всю деревню орал поначалу. Сволочи у тебя все... и наши, и чужие. Хватит уже тоску наводить на себя. Банька вон подошла. Иди на первый пар. Я потом внучат вымою и сама искупнусь. А забор – он был и будет. Без него людям никак нельзя. Скотина, она человеческого языка не понимает. Ей кнут да загон нужен.

– И то верно, – вздохнув, согласился Егор. И опираясь на трость, поковылял к сгорбленной баньке, стоявшей на самом краю усадьбы.

Самооценка автора

18.04.08 г.

Есть авторы, которые не любят рассказывать о себе, но Владимир Ермошин – не из таких. Поэтому – ему и слово:

«Начитался стихов и романов,
Очень хочется также писать.
Про любовь, про печаль, про сто граммов...
Но с чего же сначала начать?

А если серьёзно...

Поэт-бард. Ещё рассказы пишу.
Неоднократный участник Рождественского поэтического конкурса и фестиваля бардовской песни «Зелёная Карта».

Публиковался в сборниках "Поэтический марафон" (2007) и "Museum" (2008), в журнале "Веси" и в газетах "Наше слово", "Литературная пристань".

Эпиграмма на самого себя:

Он ест и пьёт, что الجже в рот –
Вкус сильно специфический.
О чём он пишет и поёт? –
Вопрос здесь риторический.

Он слой за слоем на кусок
Намазывает тему.
А дальше вдоль и поперёк
Исследует проблему.

Его так сразу не понять,
Он, как кусок без масла,
Который может всё продрать
И нести балласта.

Да кто же он тот молодец,
Что режет всё с задиром?
Он дочерей двоих отец –
Зовут его Владимир...»

Игорь Краснов

ВЕРОЙ ЖИВ ЧЕЛОВЕК

Б.Я. Барвиши и Л.И. Волеговой.

В полутёмном и пустынном коридоре дома-интерната, опёршись на тросточку, у стенки стояла худенькая старушка. Дед Макар, ещё не шибко освоившийся в казённых коридорах да переходах, вначале и не заметил её: до того она была незаметна, почти бестелесна и тиха. В большой серо-жёлтой пижаме, какие обычно носят в больницах пациенты, он едва не прошаркал мимо, да чуть не запнулся о свой же шлётанец, соскользнувший с ноги и прокатившийся вперёд по гладкому линолеуму.

– Чево тута стоишь-то? – полюбопытствовал он, отыскивая ногой шлётанец.

– Почтальёна надобно, – тихо ответила старушка, пристально глядя куда-то мимо старика.

– Ково? – переспросил дед Макар.

– Почтальёна. Письмо вот от сына жду, – уже более уверенно сказала она.

– Дак поздно уж: шестой час. Завтра с утра и жди, – посоветовал дед Макар.

– А я с утра и жду, – не вникнув добром в слова старика, откликнулась та.

– А-а, – прохрипел дед Макар и заковылял дальше.

– У курилки он остановился, открыл скрипучую дверь. Вошёл. Кряхтя и охая, кое-как дотянулся до форточки и резко распахнул её. Закурил. Курил жадно, до конца вытянул дешёвую сигаретку.

В доме-интернате дед Макар жил всего третий день, а пенсию его должны были перевести, как сказала ему библиотекарша, лишь месяцев через четыре-пять, поэтому он и старался каждую пачку курева расходовать по-хозяйски.

Старушка была всё там же, когда старики выходил из курилки.

– Стоишь всё? – удивился дед Макар.

– Стою, мил человек...

– Дак сколь ж надо стоять-то? – раздражённо спросил он.

– Письмо от сына жду, – всё так же тихо, спокойно сказала ста-

рушка и болезненно закашляла.

– Жди у моря погоды, – съехидничал старик.

Она промолчала.

– Ежели сдал сын сюды, в тако место, мать родную – дак и не жди от него ни привета, ни помощи какой... Он-то чё, один у тебя? Где он?

– На войну летом забрали, – вымолвила старушка. – Забрать-то забрали, а не пущают. Вота и жду весточку...

– Тыфу ты, ненормальная! – отходя прочь, в сердцах ругнулся старик. – Ой, и каких только здесь людей нету, всяких хватает...

Из-под двери бытовой комнаты просачивался свет. Дед Макар прислушался. Бренчали крышки, кто-то хлопотал. «Вроде бы, не время...», – подумал он. И заглянул.

В бытовой комнате хозяйничала дородная бабка с красным и круглым лицом.

– Кипяточку-то бы испить.., – начал было говорить он.

– Заходи. Не жалко его, кипятку-то. Пей, сколь душе угодно, – в ответ раздался мягкий голос.

Бабка ополоснула в умывальнике кружку, налила в неё из кастрюли воды и поставила на стол.

– Да ты не стой у порога, к столу проходи, а то ведь не удержишь, вода-тошибко горячая, вот-вот вскипятила...

Старик послушно проковылял к столу и сел на шаткий стул.

– Аль недавно у нас? Чё-то я тебя не знаю!

– Третий день...

– Зовут-то как?

– Макаром.

– А меня – Прасковья.

– По батюшке-то – как?

– Зови просто Прасковьей, не обижусь.

Дед Макар отпил несколько маленьких глотков обжигающе горячего кипятка. А хозяйка бытовой комнаты долила в бачок холодной воды, закрыла крышкой и нажала кнопку рубильника. Бачок загудел сначала чуть слышно, затем всё громче и громче. Дело сделано. Можно было и дух перевести. Прасковья стряхнула цветастый фартук от невидимых соринок, поправила на голове зелёную в чёрный горошек косынку, после чего присела на самый краешек стула, как издавна в больших семьях садятся русские бабы, готовые в любой момент вскочить, чтобы принести на стол ещё что-то забытое.

– А у вас здесь чё, и ненормальные живут?

– Пошто спрашивашь? Небось, случилось ли чё?

– Да вона бабка, погляжу, це-
лый день у стенки стоит, всё
почтальёна ждёт...

– Это ты, знать-то, про Наста-
сью Карповну говоришь. Тута
многи эдак-ту думают. Да только
Настасьюшка вовсе в здравом
рассудке. История у неё, видишь
ли, приключилась така, чё не
знаешь, дак не поверишь...

– Это какая-то така?

– Мы-то с ней из одной деревни будем. Избы рядом стояли. Ну,
понятно, суседским делом без конца друг ко дружке бегали. Вместе
войну встретили, будь она неладна, вместе и сынов на фронт про-
водили. Мой-то, как ушёл, писал всё, а у ей...

Прасковья пригорюнилась. Помолчала. Потом заговорила каким-
то другим, севшим голосом:

– А Настасья моя на свово сыночка за войну две похоронки полу-
чила...

– И то верно, не повезло, – согласился дед Макар.

– Ты давай слухай, не перебивай. Опосля первой где-то через год,
когда уж отревела больши-то слёзы, сынок ейный возьми и объя-
вись: письмецо пришло, чё ранен, мол, был, да выжил и опять вою-
ет, бьёт проклятого фашиста. Ты, говорит, мать, не переживай за
меня... Ох, и радешенька она была! По таку случаю раздобыли мы с
ей маленько сала, картошки достали, самогонки плеснули на до-
нышко... И посидели. Попели. Повспоминали. Поревели, понятно.
Как без того! Только не успела Настасья нарадоваться, как друга
похоронка пришла. Опять горе. Опять слёзы. А сын-то вдолги опять
живой объявился. После госпиталя на недельку отпустили. Ну, по-
жил, порадовал мать, а там опять – проводы.

Прасковья снова замолчала. Молчал и дед Макар, опустив голову
и положив на колени руки с вздутыми венами: перед его глазами
одно за другим проходили лица баб из его деревни – страшные лица
женщин, только получивших похоронки... Тихо было в бытовой
комнате. Только в углу оконной рамы нудно журчала большая мох-
натая муха, да гудел нагревшийся бачок. Потом Прасковья достала
из кармашка фартука носовой платок, провела по выцветшим гла-
зам, вытерла толстый нос. Ещё через минуту она продолжала:

– Третью-то гумагу с печатью она уж опосля войны получила. На-
писано там было, чё сын пропал без вести где-то на германской

земле... Ну, на этот раз она боле не поверила. Сколь можно?! Да и без вести пропавший – это ведь не обязательно погибший! Сколь таких случаев бывало, чё находились опосля войны и мужья, и сыновья. Да чё далеко ходить-то: её собственного сыночка дважды хоронили, а он жив оказывался. Вот с тех пор она ево всё и ждёт. Верит, чё живой. Этой верой только и живёт...

– Н-да-а, – дед Макар покачал головой. – Сколь ещё таких-то!

– И не говори! Токо в нашей деревне я пятерых зневала. Две-то уж померли, две по таким домам мыкаются, а одна и теперь у себя в избёнке поживает. Ей уж за девяносто, а она всё надеется, чё сын-то ейный найдётся, – Прасковья вздохнула и убрала платочек обратно в кармашек фартука.

– Правду сказываешь...

– Сам-то отколь будешь?

Дед Макар отпил глоток из остывшей кружки, назвал деревню.

– Да ну! Дак мы с тобой ведь тоже чуть не соседями были! Колхоз-то «Нова заря» зневал?

– Как не знать!

– Помню, где-то в пятидесятом ешо председателя вашего сняли да чуть из партии не торнули, а наш-то за ево заступился...

– Дак то я и был.

– Ты-и! – Прасковья от удивления только руками развелась. – Вот уж верно говорят, чё мир тесен! Сколь воды-то утекло...

– Точно.

– Ба-атюшки-и. У нас тогда сказывали, чё ты для народу старался, да кому-то нелюбо то стало...

– Ладно, тогда нелюбо было... А ведь и теперь есть, которы никак не верят, чё в деревнях опосля войны не слаше, чем в саму войну, было. Я уж тута у вас с одним в шляпе говорил... Х-хе! Дак он говорит, дескать, опосля войны не жизнь, а сахар была, в магазинах полки ломились...

– Ой, знаю я, про ково ты... А ты ево не слухай! В городе-то оно, может, и было этак. Вот только какой ценой-то всё давалось... Он нашего деревенского лиха в глаза не видывал, слыхом не слыхивал. А поглядел бы, как одне вдовы с малолетками-робятешками цельными днями в полях хрюп гнули! Без выходных, без зарплаты. А на трудодни чё и дадут, этак обратно налогами выберут...

– Во-во. Молоко сдай, мясо сдай, шкуру сдай, телёнка сдай, яйца сдай... А бабы-то и этак уж последни жилы из себя вытянули, чтоб, стало быть, тово, робят с голоду не заморить... Я тогда пять годов председательску лямку тянул, старался, чтоб у людей хоть чё-то за

душою остался. Баб-то вот не обидел, а государству, стало быть, не додал и свой пуп надорвал. Вот меня и турнули с председателей: он-де общественны интересы худо блодёт. Народ-то, ясно дело, против был, не хотел меня снимать, да сверху понесяхали, свою человека привезли и всё сами без людей решили. Ещё ладно, тогда ваш-то председатель за меня заступился, а то бы... Ну, да чё об том горевать, которо давно минуло!

– Однако ж, ничё не забывается...

– У тебя-то самой сынок живой остался?

– Живой, – Прасковья снова вздохнула.

– А как же ты сюды угодила?

– Да он, как вернулся опосля войны, ровно другой человек стал. Поседел, озлился. Всё хотел упущеные годы наверстать, пожить по-слаже. А в деревне-то в те годы кака сласть! Ну, пожил с полгода, а затем собрался и укатил в город. Сказал: как устроится, к себе заберёт. Я одна и жила десять годочеков. А он там в городе-то обженился, детишки появились. Давай, говорит, мать, продавай избу, с нами живи, с внуками водись. Продала всё. Деньги на книжку положили. А как внуки-то выросли, я мешаться стала. Ну, меня в тако место и определили. Даже сберкнижку не отдали...

– Но хоть весточку-то даёт о себе?

– Не-е, не пишет и не приезжает.

– И чё, небось, тоже всё ждёшь?

– Да ведь как не ждать-то? Ведь сын, поди-ко, внуки! Родна кровинушка... Вдруг да вспомнят! Сын-то сам ведь стареется. Может,

дрогнет сердце-то...

Как же без веры прожить! Ой, заговорил ты меня тута, – Прасковья вскочила со стула и бросилась к бачку. – Гляди-кось, вода бурлит, пар во всю хлещет...

Она выключила рубильник. Дед Макар поднялся из-за стола, направился к двери, сказав:

– Ну, я пойду. Благодарствую за кипято-

чек...

– Не за чё. Завтра я дежурю, так заходи.

Дед Макар вышел из бытовой комнаты, прикрыл дверь. Посмотрел в конец коридора. Старушка стояла на том же месте. Он постоял немного, задумавшись. Потом подошёл к Анастасии Карповне и легонько тронул её за плечо.

– Все ждёшь, мать?

– Жду. Ведь обещал сыночек, – залепетала она, повернув к старику сухое, будто временем исстёганное, перепаханное морщинами лицо.

– Прости, мать.., – тут он осёкся, в груди вдруг больно колынуло. – Ты вот чё, мать... Поди-ка, отдохни. А завтра я сам приведу к тебе этого самово почтальёна. Никуды он от нас не денется! Поди...

Анастасия Карповна замешкалась.

– Поди, поди! Я обещаю тебе!

Старушка глянула на него обнадеженными, благодарными глазами и засеменила к себе в комнату, то и дело тихонько постукивая тросточкой. Проводив её долгим взглядом, дед Макар чуть слышно сказал:

– А ты верь, мать! Верь! Верой жив человек...

март 1987 г.

Друзья об авторе

У Игоря Краснова много друзей, и они любят о нем рассказывать. Вот, например, что поведала нам Людмила Быкова:

«В январе этого года Игорю исполнилось 50...

Мало кто знает, что автор серьёзных рассказов, грустных стихов, исторических пьес – на самом деле очень смешлив и ребячлив. Жизнь сурова, полна всячими испытаниями. Но всё это не убило в нём детской непосредственности, умения радоваться жизни и видеть её в ярких красках. Он искренен и порой до беспощадности прям. Добродушный нрав, спокойная сосредоточённость чередуются со вспышками горячности и эмоциональных взрывов. Чаще это проявляется в спорах, либо в отстаивании справедливости.

Интересно наблюдать за ним в часы отдыха, когда после литературных трудов расслабляется Игорь в компьютерных играх. Вот уже где азарт превращает его в большого ребёнка, с упоением отдающегося во власть эмоций! Правда, способен быстро переклю-

чаться на серьёзный лад, если того требует дело, либо мысль интересная в голову пришла.

В сфере культурологической – скорее ретроград. Любит смотреть старое кино, слушать дискотеку 80-х, читать предпочитает зарубежных и русских классиков.

Конечно, не лишён амбициозности, но она скорее двигатель в творческом процессе. Да и все другие его человеческие слабости с лихвой перекрываются умением «взять быка за рога» и победить в любых обстоятельствах...»

К сказанному добавим: в этом году в издательстве «Новый Современник» (Рязань) вышел сборник «Записки охотников, рыболовов, грибников». Представлен в нем и Игорь Краснов, одним из своих рассказов. И, кстати, Владимир Ермошин, с которым вы познакомились на 22-й странице, в этом сборнике также присутствует...

Колобок

Детские странички
во взрослом журнале

Анна Саксе

СКАЗКИ О ЦВЕТЯХ

Избранные фрагменты
в переводе с латышского,
сделанном Сергеем Окуловым

НАРЦИСС

Даже богам не всегда удаётся воспитать своего ребёнка таким, каким хочется.

Когда у нимфы Лейриопы и речного бога Кефиса родился сын, они не могли нарадоваться на красивого, здорового мальчика.

— Белощёкий мой, ясноглазый мой, кудрявенъкий мой! — любовно называла Лейриопа сына.

На реке Кефис ещё был богом и повелителем, но дома, в своей семье, ему приходилось подчиняться: там богом и повелителем был маленький Нарцисс.

— Ах, какой красавчик! Какой хорошенъкий ребёнок! Он разобьёт не одно сердце! — восклицали пришедшие в гости нимфы.

— А какой он добрый и умный! — добавляла счастливая мать.

Но как среди людей, так и среди богов встречаются недоброжелательные завистники, которые никак не могут примириться с мыслью, что кто-то может быть лучше них. Однажды рыба, плавущая с запада на восток, поведала о красивом и умном сыне Лейриопы и Кефиса горгоне Медузе. А так как у самой Медузы сын был страшный, злой и глупый, то она, услышав о славе Нарцисса, так разозлилась, что змеи на её голове зашипели и выпрямились. Перекошенный злобой рот её раскрылся, как старая сандалия, изры-

гая проклятие:

— Пусть твоя красота, твоя доброта, твой ум тебя погубят! Ты будешь любить только свою красоту, делать добро только ради своей славы, а стремление быть красивее всех помутят твой рассудок! В ту минуту, когда ты увидишь своё отражение, придёт твоя погибель!

Рыба, плывущая с востока на запад, принесла весть о проклятии Медузы в реку, где властвовал Кефис. Он повелел разбить во дворце все зеркала и тщательно вымести осколки.

Изо дня в день слыша о своей красоте, о доброте и уме, Нарцисс боялся, что иногда ему будет трудно быть таким. Когда дети нимф оставляли часть завтрака или обеда, чтобы покормить рыбок, Нарцисс делал это скрепя сердце, только чтобы его не стали стыдить. Нарциссу почему-то казалось, что, отделив даже один кусочек, он становится несравненно лучше других, потому что кормит рыбок не простой едой, а пищей богов. Потом он догадался брать корм в кладовой матери, приносил его полные пригоршни, и все нимфята восхищались неслыханной щедростью Нарцисса.

Быстро бегут годы, даже для сыновей богов. Давно ли Нарцисс играл с рыбками, собирал раковины, украшал себя водорослями, а теперь это высокий статный юноша. Выросли и те, с кем он кормил рыбок, стали играть в другие игры. Каждый старался показать свой ум или ловкость: читали стихи собственного сочинения, слагали и пели песни или устраивали соревнование, кто быстрее всех запрыгнет на спину дельфина и удержится всех дольше.

Нарцисс тоже пробовал сочинять стихи, но скоро убедился, что многие его в этом превосходят, поэтому перестал участвовать в состязаниях поэтов, а начал критиковать всех подряд, даже если стихи ему нравились. И всем стало казаться, что Нарцисс лучше других знает законы поэзии, что только он может судить о том, как следует слагать стихи. Он и певцам стал указывать, что их песни звучат не так, как надо.

— Какой всесторонне развитый и образованный юноша! Счастлива будет та нимфа, которую Нарцисс возьмёт в жёны! — хором повторяли старые нимфы, заранее завидуя будущей избраннице

Нарцисса.

И, уж если старые нимфы так возносили красоту, ум и добродетель Нарцисса, стоит ли удивляться, что девушки стайкой вились около него, завлекая его распущенными волосами и подкрашенными ресницами, пытаясь прельстить красивой внешностью.

Нарцисс долго приглядывался, сравнивал и сомневался, пока не решил для себя, что самая прекрасная из всех — Эхо, и посвatalся к ней.

Вечером накануне свадьбы Эхо попросила Нарцисса сходить на берег и нарвать цветов черёмухи, чтобы украсить ими свои зелёные волосы. Нарцисс нарвал целую охапку и пошёл по берегу, выбирая, где удобней войти в реку, как вдруг на спокойной глади воды увидел своё отражение.

— Какая красота! Такого не было от создания мира! О, да это же я! — воскликнул он и застыл, как зачарованный, любуясь своим отражением, забыв про невесту Эхо и про свадьбу.

Он бросил цветы на траву и подошёл к реке, чтобы увидеть себя во весь рост.

— Да я не только добрейший и мудрейший, а и красивейший юноша! — восторженно сказал Нарцисс.

Когда Эхо, уставшая ждать возвращения своего возлюбленного, выплыла на поверхность, Нарцисс грубо обругал её за то, что она пустила волны по водяному зеркалу. Эхо не поверила, что Нарцисс может на неё так рассердиться, и стала плескаться, создавая волны ещё больше.

— Я смотрю, ты завидуешь моей красоте, если осмелилась мне мешать. Не занимайся пустяками, плыви прочь и побыстрей, — приказным тоном сердито сказал Нарцисс.

— Милый, почему это я, самая прекрасная из всех нимф, должна завидовать твоей красоте? — удивилась Эхо, всё ещё думая, что Нарцисс просто шутит.

— Я считал тебя красавицей, пока не увидел себя. Посмотри на это лицо, на эту фигуру, и ты поймёшь, что сама Афродита недостойна быть моей женой, не то что ты.

Нарцисс опять погрузился в самолюбование.

Нимфы мало отличаются от земных женщин, поэтому им тоже очень обидно, когда любимые не льстят их внешности и называют некрасивыми. Поэтому Эхо после слов Нарцисса обозвала его самовлюблённым дураком и пообещала сказать Кефису, что его сынок рехнулся.

Напрасны были попытки отца уговорить сына вернуться в под-

Напрасны были попытки отца уговорить сына вернуться в подводный дворец, напрасны были мольбы и слёзы матери. Нарцисс остался на берегу. Он стал худеть, потом высох, в конце концов упал и соединился с землёй.

Умершим обычно прощают всё. После смерти Нарцисса Эхо часто приплывала на место их размолвки и вспоминала чудесное время, когда они ещё любили друг друга. Он виделся ей прекрасным, умным и добрым юношем, никогда не говорившим грубых и злых слов.

— Как прекрасна была наша любовь... — вздыхала Эхо и как-то раз посадила там белые, как лицо Нарцисса, цветы, чтобы память о нём жила вечно.

МАКОВКА

После скоропалительной женитьбы на Маковке Ирис всё ещё не мог прийти в себя. Он стал вялым, неразговорчивым и сердито спрашивал себя: «Ну как же так? Я люблю Виолу, она любит меня, а женился я на Маковке. Как я мог совершить такую непростительную глупость?».

Кто мог ответить?

Напротив, Маковка сияла от гордости, что заполучила в мужья такого красавца.

— Мой муженёк, мой козлик, мой... — пела она подругам и, чтобы было о чём говорить, всегда выдумывала какую-нибудь историю про своего муженька, чтобы похвастать перед девушками и женщинами: вот, мол, какие счастливые бывают семьи, вы таких ещё не встречали.

Но однажды подруга Виолы — золото- волосая Дороника отплатила Маковке. Невинным голосом она при всех спросила её:

— А что это твой муженёк такой кислый ходит? Стоит, как вбитый колышек. Не сохнет ли по нежной Виоле?

Маковка покраснела от злости, но сдержалась и рассмеялась, чтобы обратить слова Дороники в шутку:

— Ах, он у меня такой застенчивый от неловкости. Вот пройдёт медовый месяц, тогда я начну его перевоспитывать по своему разумению.

И начала же...

— Что ты стоишь, что рот разинул? — громко кричала она, когда Ирис делал вид, что не слышит её просьбы затянуть корсет.

Ирис закусывал губу и неохотно, стараясь не прижиматься к жене, выполнял просьбу. Вместо «спасибо» Маковка влепляла мужу пощёчину, крича:

— Чтобы в другой раз глухим не притворялся!

Что бы ни делал Ирис, Маковке всё не нравилось. И вилку он не так держит, и ножом не умеет пользоваться. Сколько раз он вставал из-за стола голодным, если Маковка начинала таращить на него свои бесцветные глаза.

Если Маковки не было дома, Ирис ещё как-то сносно себя чувствовал, но та при каждом удобном случае старалась щегольнуть перед подружками своей властью над мужем. Как только заходила в гости какая-нибудь из них, Маковка сразу начинала командовать:

— Ирис, сюда! Ирис, туда! Дай мне то! Принеси это! А теперь поцелуй мне ручку. Почекши мне спинку!

Со временем Ирис заметил, что сильнее всего Маковку бесит, когда он не обращает внимания на её появление и на её нравоучения. Если Маковка кричала, что он не умеет держать вилку, Ирис бросал её на пол и брал пищу руками. Если Маковка начинала читать нравоучение, как вести себя дома и в гостях, Ирис внимательно слушал жену, пока та не уставала, и в ответ на приказ понять это и запомнить, зевая, спрашивал с самым невинным видом:

— Так ты это мне говорила?

Если Маковка вспыхивала любовной страстью и начинала приставать к Ирису с ласками, когда они ложились спать, он вставал, говорил, что забыл выпустить коня пастись, и не возвращался до утра.

Наконец Маковка не выдержала и пожаловалась Белене, про которую говорили, что та умеет привораживать мужчин.

— Милая Маковка! — заворковала Белена. — Да что ж ты раньше-то ко мне не пришла? Моё зелье с кусочком вот этого дерева его в один миг присущит!

Белена налила в бутылку зеленоватой жидкости и сказала:

— Вот, пусть твой муж пьёт по рюмочке, а ты приговаривай: эту — за то, эту — за это, — и никуда он больше от тебя не денется.

Может быть, Ирис и выпил бы зелье Белены, и всё случилось бы,

как сказала старая ведьма. И тогда Маковка могла бы без зазрения совести хвалиться перед другими женщинами, что муж танцует под её дудку. Но, если что-то знают две женщины, это знает весь посёлок. И скоро Ирис узнал, что, выпив зелье Белены, навсегда забудет Виолу.

Маковка была необычно ласкова, наполнила волшебным зельем рюмку и с улыбкой поднесла Ирису:

— Выпей муженёк, я вижу: устал ты сегодня.

Ирис поднял на Маковку удивлённые глаза, посадил её на колени, взял рюмку и сказал:

— Выпей, жёнушка, капельку за моё здоровье, а потом я за твоё выпью.

Счастливая Маковка улыбнулась Ирису и откинула голову, — пусть муж плеснёт ей в рот капельку. А что же сделал Ирис? Он опрокинул в рот Маковки всю рюмку! И когда та под действием зелья страстно обняла его за шею, Ирис уложил её животом на свои колени, взял приготовленные вожжи, другой рукой задрали её любимую красную юбку и стал лупить жену:

— Это тебе за то, это тебе за это, а вот это тебе — за ворожбу!

Долго визжала и брыкалась Маковка, прежде чем ей удалось расстегнуть пояс. Она выскочила из юбки и — шпудук! — махнула через кусты прочь от дома. Ирис швырнул юбку ей вслед, но она повисла на черенке метлы.

Кто уж там накодковал — Белена или сама Маковка, — осталось неизвестным, но соединилась юбка с метлой навечно, и всяк, кто их увидит, сразу вспоминает Маковку.

ВЬЮНОК

Все цветы стремятся вверх и стараются распускаться под солнцем, чтобы получать тепло, которое оно щедро дарит всем живым существам. Только Вьюнок не способен подняться без твёрдой опоры, а потому вынужден ползти по земле в тени других цветов.

— Почему ты не растёшь вверх, как другие? — участливо спросил его как-то мягкотелый Моллюск Улитка.

— Что делать, уважаемый, если у меня нет хорошего друга? — вздохнул Вьюнок.

— Друга можно найти, стоит только подумать.

Всезнающий Моллюск Улитка прищурил один глаз.

— Друга нельзя купить, да у меня и денег нет, — опять вздохнул Вьюнок.

— Есть кое-что не хуже денег. Это лесть. Скажи Заборному Колу, что он самое красивое дерево в саду, и ты сможешь обвить его и подняться кверху, — объяснил Моллюск Улитка.

Вьюнок сомневался, что много повидавший седой Заборный Кол окажется дурачком и поверит такой откровенной лжи. Не лучше ли будет подольститься к какому-нибудь дереву женского пола? Вон Черёмухе воробы целыми днями чирикают в уши о её красоте, и та охотно позволяет этим разбойникам сидеть на ветках. И Вьюнок пополз к Черёмухе, потому что если ничего не делать, то ничего и не получится.

Он дополз до Черёмухи и прошептал сладким голосом:

— Черёмуха, Черёмуха, как ты прекрасна!

Жеманная Черёмуха сделала вид, что не слышит. Вьюнок стал подниматься по стволу, повторяя те же слова. Черёмуха накинула на плечи белый платок: видимо, ей понравилась лесть Вьюнка.

— Теперь ты стала ещё красивее! — восхитился Вьюнок.

Черёмуха расплылась в улыбке.

— Скажи мне это на ушко...

И Вьюнок полез выше, чтобы добраться до ушей Черёмухи.

— Ты... ты самая прекрасная из всех Черёмух.

Больше он ничего не мог придумать. Но Черёмухе было достаточно и этих нескольких слов, чтобы начать верить, что Вьюнок говорит от чистого сердца.

Когда же Ветер утащил белый платок Черёмухи, Вьюнок позабыл и эти слова. Бедная Черёмуха! Она тосковала, ожидая, когда Вьюнок сделает ей предложение, но прождала всё лето, а осенью засохла от горя, и садовник срубил её на дрова.

Следующей весной Вьюнок опять стал выискивать себе опору. Может, к Розе подползти? «Нет, — передумал он. — Она красива, спору нет, но соври такой, и сразу получишь от ворот поворот.»

И Вьюнок пополз к Заборному Колу.

— Кол, послушай, Кол, — сказал он. — Я думаю и не могу понять...

— А? Ты это со мной говоришь? — спросил Кол.

— А с кем же ещё? Я хочу тебе сказать...

— А?

— Я подползу поближе к твоему уху.

Вьюнок стал карабкаться вверх.

— Теперь слышишь? — спросил он через некоторое время.

— Теперь слышу.

— Я думал и не мог понять, почему никто не хвалит твою красоту и крепость. Устоит ли забор, если тебя не будет? Ты же опора всего сада. И ты не только могуч, ты ещё и красив.

— Забирайся ещё выше, — предложил польщённый Кол, а Вьюнку этого и надо было. Всю ночь он добирался до головы Кола и там стал кричать ему в ухо такие хвалебные слова, что старик даже прослезился.

— Ты один меня понимаешь, — шепелявил Кол. — Ты мой самый лучший друг. Все остальные слепы. Даже поэты. Хоть кто-нибудь из них написал обо мне стихотворение? Они воспевают и славят Черёмухи, Клёны, Дубы, а разве они лучше меня?

— Где там! — согласился Вьюнок.

Тут как раз гуляющие дети, увидев Кол, увитый цветущим Вьюнком, воскликнули:

— Смотрите, как красиво цветёт кол в заборе!

— Ты слышал? — спросил Вьюнок. — Устами младенца глаголет истина.

— Оставайся со мной навсегда, — разрешил Кол. — Ты всему саду показал моё великолепное значение, и я буду твоей опорой, чтобы ты не ползал в тени.

Жизнь не вечна. Зима навалила на голову Кола столько снега, что он не выдержал такой тяжести и сломался.

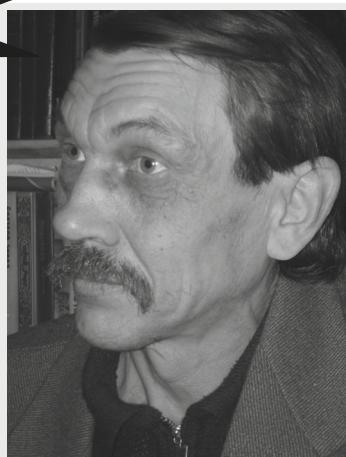
Вьюнка даже не расстроила гибель друга, он тут же стал искать кандидата на следующий год.

Думал он до самой весны, и — вы не поверите! — ему удалось обить самый могучий дуб.

Переводы автора

Анна Саксе (1905-81) - латышская писательница, народный писатель Латвии. Автор «взрослых» романов и книг для детей. Ее произведения переведены на языки многих народов мира, не было недостатка и в русских переводах, однако редактор нашего журнала решился сделать свой собственный перевод её детских сказок.

По мнению Сергея Окулова, «Переводчику необходимо знать не только языки, с которого он переводит, но, как и писателю, родной язык, общеупотребительные во всём мире латинские и греческие слова, звучание иноязычных имен по-русски, мифологию разных народов хотя бы в объеме книг А.Немировского (Древний Восток, Греция, Рим) и ещё много чего. Чем больше знает переводчик, тем меньше накладок и несуразностей будет в его переводах. Самое главное в работе переводчика — стараться добиться максимальной точности перевода, но в то же время стараться сохранить национальный колорит.

Помело

Сатира, юмор

Юрий Ковязин

ПОБАСЕНКИ

Комар давно бы утвердил проект,
Сомнения в одном:
В проекте том болота нет –
Комар мечтал о нём.

* * *

За книги можно гроши взять,
Вот всё, что он успел понять.
Но жаль, другого не постиг:
Что можно много взять из книг.

* * *

Его давно пора на место
Поставить: пьёт не первый год.
И ставили, скажу вам честно.
Но лишь поставят – упадёт.

* * *

Зайчишка Льву поставил мат,
Встал в стороне, дрожит...
Беда, когда не виноват,
А знаешь, что влетит.

* * *

За то, что развалил дела,
Хотели наказать Осла.
Но всё же, зная ум Осла,
Решили: он без умысла.

* * *

Чурбан с Пилой затеял спор,
Что он в сравненьи с нею – сила.
Не долго длился их раздор:
Она его перепилила.

* * *

Дядя Митя – страж завода.
Знает он, в какие дни,
Вместо пропуска, у входа
Требовать: «А ну, дыхни!»

* * *

– Ну, воспитанный юнец! –
О сынке сказал отец.
– Перебрал – лежит культурно,
И не где-то – возле урны.

* * *

Бабки прут из магазина:
Нету пенсии – каюк!
Потребительской корзиной
По ступенькам стук да стук!

Юбилей автора

Юрию Алексеевичу Ковязину в этом году исполняется 80 лет. Он один из немногих наших авторов, кто способен по-настоящему развеселить читателя и, вместе с тем, заставить задуматься.

Говорят, кто в армии служил, тот в цирке не смеётся. А Юрий Ковязин полжизни своей отдал военной авиации, а смеяться так и не разучился.

Долгих лет вам, Юрий Алексеевич, заряжайте нас вашим оптимизмом как можно дольше!

А всех интересующихся – отсылаем к книжке «Метка», вышедшей в Екатеринбурге в 2007 году.

Юрий Ковязин

МЕТКА

Александр Матусов

ВСЁ, ЧТО ВЫ ЗНАЛИ О СЕКСЕ, НО СТЕСНЯЛИСЬ ЗАРИФМОВАТЬ

(Выдержки из газет с авторскими комментариями)

Статья.

Секс – лучшее лекарство от бессонницы. После полового акта люди спят дольше и глубже, что позволяет им восстановить силы, а на следующий день продуктивнее работать.

Комментарий.

Если ночью плохо спится,
Позови свою девицу.
А назавтра – это да! –
Будешь ты герой труда!

Статья.

Секс очищает организм от шлаков, так как во время любовной игры обильно выделяется пот, а вместе с ним накапливающиеся в порах токсины.

Комментарий.

Если хочешь выгнать пот,
Ляг подружке на живот
И работай, блин, работай –
Все уйдут токсины с потом!

Статья.

Секс способствует похудению: во время полового акта сжигается 200-600 калорий. А ласки, предшествующие интимной близости, являются великолепным массажем и ненавязчивой гимнастикой.

Комментарий.

Чтобы не скрипеть, дружок,
Чаще смазывай станок!

Лишний жир – болезней корень,
За ночь жги шестьсот калорий!

Статья.

Секс продлевает жизнь. Пары, занимающиеся любовью трижды в неделю, выглядят намного моложе и доживают до более преклонного возраста, чем люди пренебрегающие сексом.

Комментарий.

Чтобы лет до ста расти
Нам с тобой без старости,
Брось в неделю три стропила –
Прослыvешь Мафусаилом!

Статья.

Секс делает человека умнее. Во время сексуального акта содержание кислорода в крови увеличивается на 10-15 процентов, т.е. мозг начинает работать на то же количество процентов лучше и быстрее.

Комментарий.

Удивляется весь класс:
Умный я – как Карл Маркс!
Как орех, колю задачи!
Это секс помог мне, значит!

САТИРА ИЗ СОРТИРА

Начинающий автор принёс свою работу в редакцию сатирического журнала. Редактор отказался напечатать юмористический рассказ.

– Почему? – спрашивает автор.
– У нас журнал вообще-то сатирический, но я не увидел в вашем рассказе даже юмора. Правда, запашок у вас чувствуется, но надо ещё тужиться и тужиться, чтобы из вас что-нибудь вышло. Чувствую, что вы ещё можете потерпеть с публикацией. Надо подождать,

чтобы всё у вас переварилось.

– А если я приду к вам, но будет уже поздно?

– В том-то и состоит, батенька, сила искусства: чтобы как раз уловить этот момент, когда вы почувствуете полное облегчение от содеянного. Впрочем, можете подняться этажом выше. Там расположена контора, которая сама делает удобрения из полуфабрикатов заказчика.

ОДНАЖДЫ В СССР (ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ-МОРДАСТИ)

Однажды ЦРУ решило выяснить, чем занимаются сотрудники одного секретного НИИ в СССР, для чего заслало в город Ленинград шпиона. Агент 001 благополучно прибыл поездом «Хельсинки-Ленинград», но на Финляндском вокзале опрометчиво купил пирожок, в результате чего тут же отравился и помер. Узнав об этом, ЦРУ не оставило своих коварных планов и отправило более опытного агента 002. Тот доехал в дипломатическом вагоне до места, на привокзальной площади долго и безуспешно ловил такси, протиснулся в переполненный трамвай, но так и не добрался до указанного НИИ, так как был задавлен в трамвае. ЦРУ узнает об этом по зоре и с упорством, достойным лучшего применения, засыпает третьего. Третий агент не стал есть пирожок, не сел в трамвай и пошел к институту пешком. При подходе к НИИ возле арки рядом стоящего с объектом дома увидел двоих в черном, один из которых держал бутылку и стакан, а второй внимательно гляделся в лица прохожих. Заметив агента, он воскликнул: «А вот и третий!» И агенту 003 ничего другого не оставалось, как проглотить вшиную в воротник ампулу с ядом.

ЦРУ засыпало еще несколько агентов, но бдительные советские граждане всякий раз разоблачали их. Четвертый был рассекречен внимательной старушкой, ибо очень долго стоял на перекрестке, ожидая зеленый сигнал, а не ломился на красный, как все. Пятый – юным пионером Павликом, потому

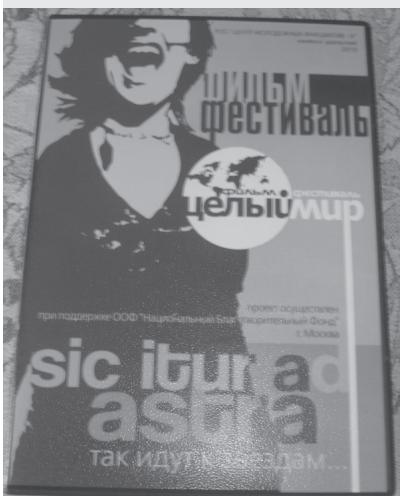
что смахивал на Берию в шляпе и в очках. Шестой – курил сигареты «Мальборо» и имел неосторожность не дать закурить переодетому сотруднику КГБ.

И только агенту 007 удалось все же проникнуть в секретный институт. Правда, дешифровщики ЦРУ получили от него однозначное послание. Оно гласило: «В результате проведенной мною работы установлено, что сотрудники ракетно-топливного отдела НИИ до обеда говорят об обеде, а после обеда рассказывают друг другу о своих похождениях с девушками легкого поведения». Второй шифровки агент 007 отправить не успел, так как вскоре был тоже разоблачен: он был примерным семьянином, и ему не о чем было говорить после обеда.

О КРИТИКЕ

На суд свои стихи друзьям я дал.
Один из них отзывчив был до рвоты:
«Конечно не «Владимирский централ»,
Но круче, чем проFaуста у Гёте...»

Фильмография автора

Региональная общественная организация «Центр молодежных инициатив-К» в течение творческого сезона занималась осуществлением проекта под названием «Целый мир»

«Целый мир» - это проект, созданный по материалам творчества людей с ограниченными возможностями.

«Целый мир» - это открытие целой вселенной, отдельностоящего от нас мира, который мы зачастую не замечаем, не хотим замечать, но который существует – со своими горестями и радостями, проблемами, чаяниями и надеждами.

«Целый мир» - так называется фильм, созданный Евгением Ревутовым. Одна из основных задач фильма-фестиваля «Целый мир» - демонстрация талантов этой категории людей для организаторов культурных мероприятий города.

В этом фильме нашлось место для песен Александра Матусова и Надежды Сухих (её стихи вы прочли на 3-й странице нашего журнала).

Дмитрий Кочетков

ШЕСТ

(Из дневника экстремальной
танцовщицы)

* * *

Обычный день. Проснулась в три. В смысле, после обеда. Сразу позавтракала. Постирала спецовку – трусики с блёстками и лифчик на ниточках. Эдик, гад, замусолил вчера баксы кетчупом и давай мне их совать во все места. Реклама врёт: порошок хреновый – материя не отстиралась, деньги не отмылись. Что я надену сегодня вечером?! В смысле, – что сниму?.. Мужики, вы сволочи!

* * *

Обычный вечер. Работала с шестом. В новой спецовке. Её купил Эдик и преподнёс в дурацкой красной коробке. Коробка была такая огромная, что я подумала, что внутри телевизор или норковое манто. Как обломал, гад! Танцевала, специально повернувшись к нему попой. Обидно, если ему только это и надо было. Ну, ничего, завтра выходной.

* * *

Обломался выходной. Вызвали на работу. На выезд. Мальчишник в коттедже за городом. Ужас! Шеста у них нет. Вместо него поставили самого трезвого. Чтоб не очень качался. Сначала вроде нормально было, но потом я зацепляться стала. Не люблю я этого, отвлекает. Надо будет сказать директору, чтобы переносной шест купил для таких случаев.

* * *

Сегодня в ресторане джигиты столик сняли. Сначала нормально было, а потом самый носатый сунул мне за пояс сотню и говорит: лезгинку давай! Никогда раньше не танцевала лезгинку у шеста.

Эдик так возбудился, что укусил заказчика за нос.

* * *

Танцевала в палате у Гоги. Того, который с откушенным носом. Держалась за штатив с капельницей. А Гоги укороченный нос больше идёт. Скоро швы снимут, и он мне пообещал предложение сделать. Чтобы я у него на свадьбе тоже станцевала. Говорит, хорошо заплатит.

* * *

Кошмар! Я в шоке! Эдик женится! На Анжелке из шоу толстушек! Что он в ней нашёл? Её же никакой шест не выдерживает! Столько инвентаря поломала, столько убытков хозяину – и на тебе, замуж! Эдичка, вернись, я всё прощу!

* * *

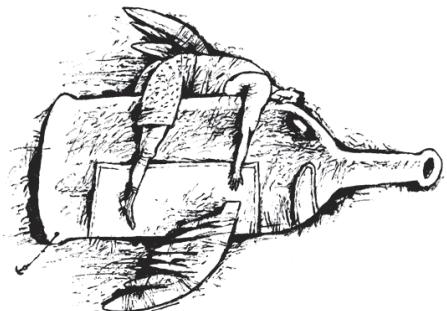
...цать лет спустя.

Дочка спросила меня сегодня: «Мама, а ты любила танцевать, когда была молодая?» - «Конечно, - говорю, - Светочка, очень любила!» - «А какие танцы?» - «Ну, разумеется, вальс! Что ещё мы могли танцевать с твоим папой Эдиком?» - «А ты меня научишь? А то я не умею...» - «Ох, - говорю, - стара я, дочка, стала. Ну, да ничего. Попробуем! Главное – правильно выбрать опору!..»

С ВОДКОЙ ПО ЖИЗНИ **(Попытка мемуаров)**

13 мая 1959 года. Сегодня мне пять годиков. Мама сказала, что это мой первый юбилей. Я уже большой, я знаю, что такое юбилей – это когда взрослые пьют водку. А пьют они ее очень часто – с ума сойти, сколько у них юбилеев. Я позвал в гости Светку и Антошку.

Мама с папой позвали кучу дядей и тёт. Мне подарили уйму подарков, а дядя Петя налил в мою кружку водку и сказал: «Пей, племянничек!» Я попробовал и задохнулся. Ужас, как противно. Мама сказала, что дядя Петя дурак и чтоб я больше не пил. И Светка сказала, чтоб я больше не пил, а то она уйдёт к Антошке. Никогда не буду пить эту гадость.

13 мая 1964 года. Сегодня мне десять лет. «Вот и разменял второй десяток! – обнял меня дядя Петя. – Есть повод вздрогнуть!» Я вздрогнул: неужели опять придется водку пить? Пришли Светка с Антоном. Антон говорит, что ему родители уж давно шампанское разрешают. И, пока взрослые сидели за столом, мы с Антоном ушли ко мне в комнату и стали считать, кто сколько за свою жизнь выпил. Антон сказал, что уже одолел восемь ящиков пива и шесть литров портвейна, а я решил, что употребляю только дорогие вина, и стал придумывать названия: ликёр «Буратини», коньяк «Чиполлини»... Антон сказал, что таких не бывает, и мы подрались. Зашла Светка. Сказала: «Какие вы, в сущности, ещё дети! Лично я уже «Приму» пробовала...»

13 мая 1969 года. Вот и юбилей опять! Пятнадцать годков отбрабанил. Взрослые, как обычно, надарили всякой фигни, а мы с Антохой стыбзили со стола початую чекушку да и выпили в туалете. Гадость, Антоху вырвало, но он всё равно говорит, что понравилось. Светка не пришла. У неё парень в десятом классе. Вот ведь дура какая. Мы с Антохой покурили на лестничной площадке и стали уныло ждать, когда предки разойдутся. Потом вышел покурить дядя Петя и выпил с нами ещё. Не так уж и противно.

13 мая 1974 года. Чё мы седня отмечаем-то? Мой двадцатник или дембель? Дядя Петя, гад, зашился – так со мной и не выпил. А я говорю: «Светка, выходи за меня! Я тебя, дуру, даже с дитём возьму!» Чё она мне ответила – ни фига не помню. Помню, мы Антоху ещё за водкой послали. Причём больше мы его так и не увидели.

13 мая 1979 года. Сегодня мне двадцать пять, а на душе паршиво, словно все тридцать. Вчера Светка собрала шмотки, забрала де-

тей и ушла от меня к Антону. Ни фига себе подарочек, да? Говорит, он меньше пьёт. Сижу на кухне один, дую водку. Поминаю добрым словом дядю Петю. Может, пожил бы еще, если б по врачам не таскался, а лечился натуральными средствами, как все нормальные люди. За тебя, дядя Петя!..

13 мая 1984 года. Водка по талонам! Испортили, суки, весь праздник! Правда, Светке всё равно наливать нельзя – она же зашилась. Мы с Антоном её долю быстренько оприходовали. Уговаривал Антона забрать Светку обратно, а он ни в какую. Говорит: «Раз уж она к тебе вернулась, ты с ней и живи. Дети-то все равно твои почти все...» А что – дети? Дети уже сами водку пробуют. Он же, сука, их и научил.

13 мая 1994 года. Во, блин, сорок дней! То есть, это, сорок лет, я хотел сказать... Один хрен, водка на столе палёная, как на поминках! И в стране, как назло, такое, что без бутылки не разберешься. Сидим с Антон Иванычем на кухне трезвые – не берет нас, сука, этот разбавленный градус! А тут еще Светка позвонила из Тель-Авива, передала привет от нового мужа. Все наши беды из-за баб! Из-за них мы и спиваемся!..

13 мая 2004 года. Полвека позади – а будто и не жил. На горизонте пенсия маячит. Сердчишко пошаливает, изжога мучает. Хорошо, что зашился пару недель назад. Теперь на эту дерымовую водку и глядеть не могу. Иваныча жалко: совсем опустился бедолага. А ведь был у него шанс: познакомились мы с ним по интернету с женщинами – с порядочными женщинами, не на порносайтах. Мне гречанка понравилась, ему – француженка. Так он, сука, компьютер пропил и на связь больше не выходит. А гречанка меня в гости зовет, нынешним летом обязательно поеду. Интересно, что у них там пьют?..

Деяния автора

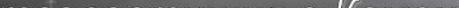
Судя по этим двум вещам, основные жизненные интересы Дмитрия Кочеткова сводятся к стриптизу и горячительным напиткам. Между тем, есть люди, которые уверяют, что неоднократно видели автора трезвым, как стекло, и не в окружении полураздетых женщин, а в гордом одиночестве.

Так это или нет, но каким-то образом сей автор всё-таки умудряется быть одновременно президентом литклуба «Феникс», администратором одноименного сайта, администратором сайта «Помело», одним из организаторов детского литературного конкурса «Хрустальная туфелька», актёром камерного театра «Артель», сценаристом, шоу-меном и прочая, и прочая...

Наши конкурсы

Четверостишия о Каменске

Ровно год назад городской литературный сайт «Феникс» на своём форуме объявил конкурс четверостиший о Каменске-Уральском. В конкурсе приняли участие не только поэты нашего города, но и сочинители, живущие далеко за его пределами. Модераторы посовещались и решили, что лучше всех в любви к Каменску призналась жительница Израиля Зинаида Маркина. Ей и дана пальма первенства. Её четверостишие, а также еще кое-что из понравившегося мы публикуем на этой странице.

Кумохоб

三

Город мал- полвзмаха птице,
Но кого не распроси:
Колокольная столица!
Эвон, звон по всей Руси!

Каменск –
каменное диво,
Люди - добры
и красивы.
Ими сделано
немало
Для великого Урала.

Юрий Ковязин

1

Что ни год, наш город хорошеет,
С ним сравниться может только тот,
Кто любое дело разумеет
И все время движется вперед.

Литературный клуб
Феникс

Главная страница

www.litclub-phoenix.ru

Жили-были писатели, и пиши как хочешь –
иначе все отвлекают, ты же будешь философом и Геномиком

Пятница, 09.07.2010, 07:46
Вы были на: [Накал](#) | [Библиотека](#) | [Литклуб](#) | [Литклуб](#) | [Литклуб](#)

Форма входа

Логин: Пароль:

Категории раздела

- Культура в Каменске-Уральском [322]
- Рецензии клуба "Феникс" [42]
- Литературные новинки [17]
- Рукописи авторов [14]
- Статьи о книжном бизнесе
- Статьи о книжных магазинах
- Понятие
- Наша команда

Уважаемые авторы!
Если вы хотите открыть свою собственную страницу на нашем сайте, заполните, пожалуйста, [форму](#)!

Уважаемые гости!
Прежде чем начать путешествие по нашему сайту, рекомендуем вам заполнить [сделать](#)!

Объявления о заседаниях, пилотбуза
читайте [здесь!](#)

Объявления о ближайших мероприятий клуба смотрите [здесь!](#)

Приобретение книг авторов Активиста нашего пилотбуза и журнала "Маски Белки" можно в Каменске-Уральском по адресу: ул. Алюминьевская, 18 (магазин "Домовенок Кузя")

План мероприятий культуры в Каменске-Уральском смотрите [здесь!](#)

Случайные фото из наших альбомов

Биография Каменска-Уральского – развлекательный портал Каменска-Уральского с городом на сайте: спортивные и культурные достижения, памятники, достопримечательности, здравницы, образованные люди.

Календарь

= Июнь 2010 =	Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Сн
	5	6	7	8	9	10	11
	12	13	14	15	16	17	18
	19	20	21	22	23	24	25
	26	27	28	29	30	31	

Литклуб

Реклами

Биография Каменска-Уральского – развлекательный портал Каменска-Уральского с городом на сайте: спортивные и культурные достижения, памятники, достопримечательности, здравницы, образованные люди.

Конкурс «Весны моей, любви моей очарованье» литературный клуб «Феникс» организовал и провёл совместно с администрацией Городского Дома детского творчества. На суд жюри были представлены песни, стихи и живопись. Соответственно, по трем номинациям, в мае этого года и было проведено награждение.

Тему весны и любви на своем полотне, по мнению судейской коллегии, лучше всех отразила Анна Лебедева. Среди поэтов отличился Игорь Стрюков – весна в его стихах благоухает и цветет всеми красками. А бардовская пальма первенства досталась Владимиру Комарову.

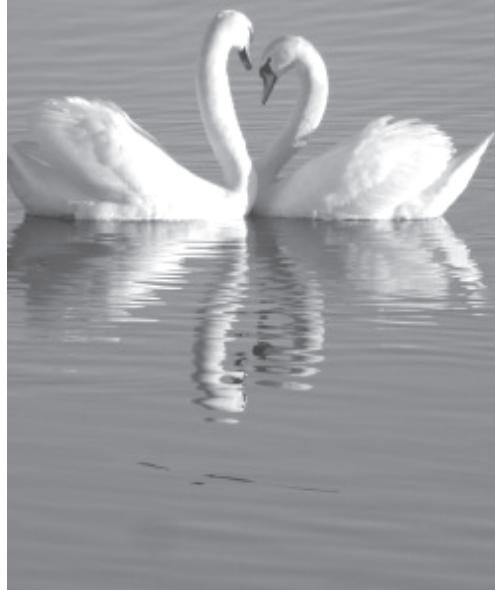
К сожалению, опубликовать в нашем журнале картину Анны Лебедевой мы не можем, зато стихи Игоря Стрюкова и текст песни Владимира Комарова с удовольствием предлагаем вашему вниманию.

**Владимир
Комаров**

ВЕСЕННЯЯ СТРАНА

В нашей
сказочной стране –
Радуги да птицы.
Ты, Матвеевна, во мне,
Как цветок в теплице!
В круговорти майских дней
Ты всегда со мною,
Мы, как пара лебедей, –
Не разлить водою.
Для любви построен дом,
И родным есть место.
Бог отпустит – проживём
Лет, так скажем, двести!
Запах трав, цветов вдыхаем,
Наслаждаясь птичьим пеньем,
Чтоб не раз зимою вспомнить
Эти чудные мгновенья.
Может быть, в стихах слегка
Вышла приукраска...
Ну, а всё же жизнь сладка,
Как вот эта сказка!

Весны моей, любви моей очарованье

Игорь Стрюков

ЖДАТЬ...

У воды – всплеска,
У тишины – звука,
У темноты – блеска,
А у дверей – стука,

У моря – погоды,
У смеха – слезинок,
У вечности – года,
А у дождя – льдинок,

Ждать... звона капели,
И каждый раз – снова:
От соловья – трели,
А от тебя – слова...

Былое

Дворец культуры УАЗ был когда-то самым настоящим центром культуры Красногорского района. Масса самодеятельных коллективов, некоторые были удостоены звания народных... Сюда приходили отдыхать душой! Здесь был единственный в Каменске цирковой коллектив, здесь шли спектакли, поставленные профессиональными режиссёрами, здесь крутили кино и устраивали праздники.

Теперь там всё по-другому. Как знать, может быть, под вывеской «Дворец Молодёжи» он расцветёт ещё краше. Может быть, всё будет ещё лучше, чем прежде...

Но так, как было, уже не будет!

В этом номере мы решили вспомнить тот, прежний ДК. И, конечно, самих себя в нём.

Своими поэтическими воспоминаниями делится Галина Григорьевна Кораблёва, а Людмила Николаевна Баранова из Великого Новгорода вспоминает свою маму и свою первую роль в драмкружке.

Кстати, мама Людмилы Николаевны сохранила несколько альбомов с фотографиями актёров Народного театра 40-50-х годов прошлого века...

ДК УАЗа в 70-е годы
XX века

**Галина
Кораблева**

МОЙ ДВОРЕЦ

О, мой дворец!
Ты — истинный красавец,
Сверкаешь в ярких солнечных тонах,
И как корабль под голубыми небесами,
Летиши навстречу времени
на северных ветрах!

Теперь таких дворцов уже не строят,
Ты самобытен и неповторим,
Явился за своим родным заводом
И сразу стал ему необходим.

Кто создавал дворец, уж многих нет поныне,
Но мы их помним, славу им поём,

Проектировщикам, талантливым строителям
За труд нелёгкий память воздаём!

Впервые я пришла сюда ребёнком,
Дворец волшебником казался мне, —
И зеркала его и переходы
Мне снились в странном и прекрасном сне!

Я после много видела на свете
Театров, залов и музеев ряд,
Но взгляд легко скользил по гладкой позолоте
И ничему особо был не рад.

И только мой дворец всегда волнует душу,
Мне кажется, он дышит и живёт,
Иль юность милая прошла под этой крышей,
Иль первая любовь забыться не даёт?

Здесь под оркестр, кружились с кавалерами
В платышиках ситцевых и в бижутерии смешной,
Но мальчикам своим казались королевами —
Прекрасною и юною мечтой!

С тех пор прошли года, сменились нравы,
Другая юность здесь танцует и поёт,
И только мой дворец, как истинный хозяин,
Приют и ласку всем желающим даёт!

И снова привели меня дороги
На эти лестницы и в этот полумрак,
И снова он предстал таинственным и строгим.
Я с трепетом вошла, как много лет назад.

И подарил Дворец мне новое лекарство
От одиночества, от горя, от забот:

Общение с людьми — великое богатство,
И щедро мой дворец богатства раздаёт!

Живи, Большой дворец, и стой
неколебимо, как Россия!

Давай приют и тем, кто после нас придёт.
Твоё искусство, дерзкое и сильное,
Пусть ветер времени через века несёт!

ТЕАТР

Посвящается Народному театру ДК УАЗа

Шумит театр, играют краски,
Какая смесь ролей, имён!
Две удивительные маски
Плытвут из глубины времён.

Одна трагедией зовётся:
Бушует в ней страстей накал,
Страдание на сцене бьётся, —
Стихает потрясённый зал.

В другой же — скомороший бубен,
От горестных мирских утрат
Она забвенье дарит людям, —
И всяк обманываться рад!

И только драма, только драма
Примерить маску не смогла,
Как жизнью раненая дама.
Она печальна и светла!..

Шумит театр, бушуют страсти,
Идёт незримая война,
Рвут душу слабую на части
Посланники Добра и Зла!

И только вечность, только вечность,
Сияя с гордой высоты,
Пытает тихо: «Друг сердечный,
Кому сегодня служишь ты?»

Людмила Баранова

ИЗ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ С Н.Н.КРАЙНОВОЙ

...В Каменск мы приехали в 1944 году. Там же я пошла в школу, а мама пошла учительницей в ту же школу № 5. Когда мы были в четвёртом классе, мама с Алексеем Ивановичем /Шеметовым/ поставили пьесу «Лягушка-Квакушка». Я была лягушкой, а Л.Березовская Царевной. Вот после этой пьесы мама и начала ходить в драмкружок. Костюмы и декорации

От редакции.

Редакция нашего журнала сердечно благодарит Людмилу Николаевну Баранову и Нину Николаевну Крайнову за предоставленный материал. Мы обязательно продолжим публикацию фотографий из этих уникальных альбомов в наших последующих номерах. А а этом – два фото, иллюстрирующих работу уазовского драмкружка того времени.

нам расписывал берлинский художник, он был в плену.

В 1987 году мама совсем переехала в Новгород, там занималась садом, ни на что другое времени не осталось. С большой теплотой вспоминала она и Урал, и драмкружок.

* * *

...У меня ещё два альбома, один общий, другой Алексея Ивановича Шеметова. Мама начала их делать, да так и не закончила. Родственников Алексея Ивановича нет, поэтому посыпать альбомы я буду вам. В альбомах много материала.

Всего вам хорошего, здоровья и успехов!

Новости от «Феникса»

ОНИ ЗАПЕЛИ

Чего только не случается в новогодне-рождественские праздники! «Рыбы по небу летают, жабы по полу гуляют...» А в лингостиной «Гармония» Городского дома детского творчества состоялась первая в этом году встреча под названием «С песней по жизни», героями которой любезная хозяйка Валентина Пештрян сделала не певцов, а литераторов из клуба «Феникс» – Дмитрия Кочеткова и Александра Матусова. Для завсегдатаев гостиной вокал каменских сочинителей был полной неожиданностью. Видимо, это какое-то поветрие: нынче и в столицах многие занимаются не своим прямым делом: политики поют, юмористы танцуют, певцы занимаются фигурным катанием. Вот и наши туда же, решили, видимо, не отстать от «звезд», не ударить в грязь лицом, – тем более в январские праздники не грех и подурачиться.

Законный вопрос – а каков репертуар? Чем удивили?

Д.Кочетков перепел по-русски хиты Роя Орбисона, Леонарда Коэна, Фрэнка Синатры и группы «Иглз», а А.Матусов положил на популярную музыку некоторые свои тексты. Разогревшаяся в холодном помещении публика аплодировала и танцевала.

Кроме песен, были, естественно, и традиционные чтения – серьезные и не очень. Кочетков, например, довольно-таки узнаваемо зачитал

«послания» от Никиты Михалкова и Николая Дроздова, а Матусов – эпиграммы на некоторых своих собратьев по перу.

Впрочем, героям вечера был и художник из Катайска Дмитрий Меньшиков – он-то как раз не пел и не плясал, а занимался своим привычным делом: демонстрировал картины из бересты, – редкая, изысканная, просто сказочная техника!

Ну, а в традиционном «Свободном микрофоне» выступили и гости: спели Александр Болотов, Василий Григорьев, Сергей Симонов, Юрий Будаев, почитали Андрей Ляхов, Валентина Пештрян, Татьяна Калиновская и Ольга Худякова.

Виктор Доос

СЛОВОМ И ПЕСНЕЙ

В Центре социальной реабилитации состоялась встреча актива ликбюда «Феникс» с ветеранами Великой

Отечественной войны. Фронтовиков Второй Мировой среди нас – с каждым годом все меньше и меньше. Клуб «Зимняя вишня», которым руководит Валентина Петровна Гафарова, регулярно проводит разнообразные мероприятия для наших девушек и бабушек, кровью и потом добывших для страны Великую Победу, 65-летие которой мы отмечаем в этом году. И «Феникс» – уже традиционно один из постоянных участников таких встреч.

В этот раз знакомство с новыми произведениями местных авторов прошло под девизом «У войны не женское лицо». Свои стихи ветеранам прочли Татьяна Барышникова, Надежда Сухих и Александр Матусов, со своими рассказами слушателей познакомила Галина Кораблева, а песни под гитару исполнил Юрий Будаев. Ветераны и сами не ударили в грязь лицом – доказали, что есть еще порох в пороховницах: в финале встречи, как обычно, звучали песни военных лет.

Оксана Птичкина

В ГАРМОНИИ С «ГАРМОНИЕЙ»

Литературно-музыкальная гостиная «Гармония» в Городском доме детского творчества, как известно всем посвященным, приобщенным и интересующимся, открывает свои двери каждое третье воскресенье месяца в три часа дня. Для взрослых, в основном, хотя дети с родителями, тоже, бывает, приходят. В этот раз двери распахнулись для городского литклуба «Феникс», для фотохудожника Галины Разнициной,

для исполнительниц популярных песен и романсов – двух прекрасных Елен – Храмовой и Ибрагимовой... и для всех, кто пожелал посмотреть и послушать.

«Феникс» прилетел в далеко не полном составе, но даже в этом формате неистребимая птица вовсю сыпала искрами стихов и песен, из коих в публике возгорались улыбки и аплодисменты. Свои стихи прочли Татьяна Барышникова и Дмитрий Кочетков, песни спели Юрий Будаев, Владимир Евсюков и Надежда Сухих, а свои рассказы рискнули показать Александр Матусов и Галина Кораблева.

Ну, а когда запели две Елены, один потрясенный слушатель, отбив себе обе ладони, констатировал: Мирай Матье отдыхает! Что ж, пусть отдохнет где-нибудь под Парижем, а наши – пусть поют!.. Жаль только, что огромных залов пока не собирают. Зато стены этих «неогромных» залов зачастую украшены прекрасными работами, а в этот раз – пейзажной выставкой «Как прекрасен этот мир...» одного из самых опытных фотографов города Галины Разнициной. Галина утверждает, что красота есть везде, ее только нужно увидеть. А у художника есть уникальная возможность – показать всем то, что заметно только ему.

По окончании, как обычно, сам собой устроился «свободный микрофон». Тамара Меньшикова прочла сказку о Бабе Яге, Владимир Комаров и Александр Болотов спели свои песни, Галина Панова и Вячеслав Мухлынин прочли стихи.

Олег Звонов

Мысли ведух

**Литературно-художественный журнал
литературного клуба «Феникс»
№6, 2010**

**Учредитель — литературный клуб «Феникс»
города Каменска-Уральского**

Главный редактор — С.П.Окулов

Выпускающий редактор — Д.М.Кочетков

Адрес редакции: 623400, г.Каменск-Уральский Свердловской обл.,
ул.Сибирская, д.1, театр-студия «Да здравствуют дети!»

Телефоны: 353-104, 325-414

Наши адреса в Internet:

Литпортал «ФЕНИКС» — www.litclub-phoenix.ru

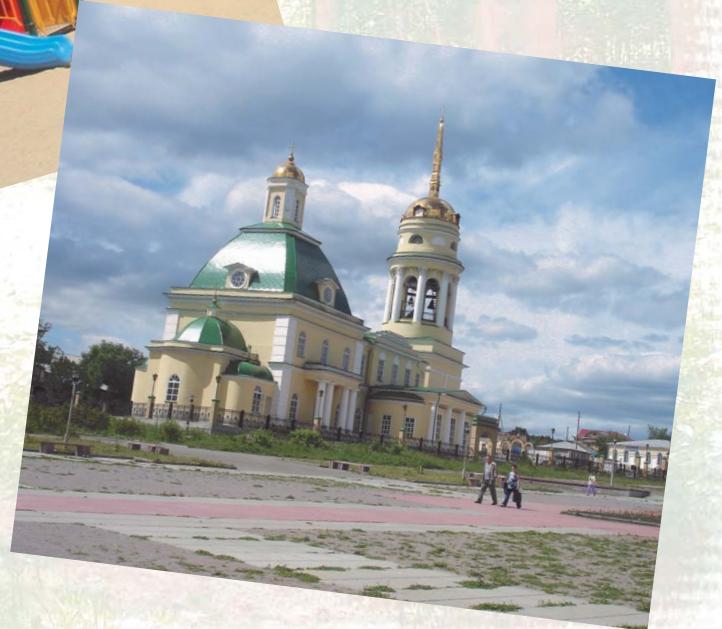
Юмористический сайт «ПОМЕЛО» — www.po-me-lo.ru

E-mail: mail@litclub-phoenix.ru

Номер подписан в печать 1 июля 2010 г.

Тираж 100 экз.

ВНИМАНИЕ!

Литературный клуб
«Феникс» объявляет
новый конкурс стихов
о Каменске-Уральском!
Подробности — на сайте
литклуба:
www.litclub-phoenix.ru

Мысли вслух

№ 6

© Литературный клуб «Феникс», 2010 г.